

ОБЗОРЫ

УДК 811.161.1'373.231

ТЕОРИЯ ЛЕКСИГЕНЕЗА Г. ГИЙОМА (на стыке структурализма и генеративизма)

Н.П. Анисимова

Тверской государственной университет, Тверь

Излагаются основные положения теории лексигенеза Г. Гийома и предлагается её анализ с позиций историко-эпистемологической модели.

Ключевые слова: *история лингвистики, структурализм, генеративизм, эпистемология.*

Структурализм как лингвистическая научная парадигма пережил свою эволюцию, выявил свои достижения и недостатки, но отнюдь не «почил в бозе»: в ряде европейских лингвистических традиций, в частности, французской, он естественным образом синтезируется с иными направлениями и остаётся концептуальной базой оригинальных моделей, стремящихся воспроизвести механизм порождения высказывания. Такова теория лексигенеза Г. Гийома.

Теория лексигенеза неразрывно связана для Гийома с эволюцией и типологией языков. Историческое развитие языка зависит, по его мнению, от двух факторов: *социального* и *человеческого*; первый есть результат отношения «женщина / мужчина», а второй, наиболее важный – соотношения «человек / мир» («*homme / univers*»). Каждый язык – это *человеческий язык* в том смысле, что он является вариантом решения проблемы выражения мысли. По Гийому существуют языки «архаичные» или «примитивные» и языки «развитые», т.е. те, которые претерпели наибольшие изменения в ходе своего развития. Для индоевропейских языков имеется в виду потеря падежей, математического числа и т.д. Таким образом, французский и английский относятся к «развитым» языкам; латынь и готский оказываются более развиты, чем русский и немецкий. В ответ на обвинения Гийома в «расизме» его ученики подчёркивают, что с этих позиций нельзя ставить знак равенства между эволюцией и прогрессом, примитивизмом и древностью.

Для анализа структурных разновидностей языков Гийом исследует сам процесс языковой деятельности, переход от потенциального языкового плана к его реализации в речи. Потенциальное / реальное (виртуальное / актуальное) представляют собой две крайних точки, между которыми происходит процесс создания речи. В историческом становлении языка постепенно строится система отношений, лежащая в

основе всякой «грамматической» системы – синтез единиц плана выражения и плана содержания (содержащих и содержимых).

В общем виде выделяются четыре типа элементов, участвующих в создании речевого акта (от самого широкого к самому узкому): а) речь (*le discours*) – крайний элемент реального, актуального плана (он всегда содержащий и никогда содержимый); б) высказывание (*la phrase*) (содержимое, субстанция для речи и форма для слова); в) слово (*le mot*) (субстанция для высказывания и форма для формообразующих элементов); г) формообразующий элемент (*élément formateur*) – крайняя точка, исток речевого акта, крайний элемент *потенциального* в противоположность речи, он всегда относится к плану содержимого, он только «включаемый» элемент, и никогда «включающий». Процесс порождения речевого акта, по Гийому, схематически представлен нами с объединением двух схем А. Жоли [5: 238] (см. табл. 1).

Слово (субстанция в центральном элементе таблицы) играет ключевую роль в порождении речевого акта. Термин *слово* должен пониматься в самом широком смысле, означая для любого языка *потенциальную единицу (unité de puissance)*, материал, из которого строится высказывание. Именно в рамках речевого акта, и особенно ментального пространства, которое отделяет слово (прошлое мысли) от высказывания (будущее мысли), Гийом и разрабатывает свою теорию типологии языков. Другими словами, его теория основана на анализе мыслительных операций, обусловленных существованием во всех языках потенциальной единицы, на основе которой строится речь.

Таблица 1

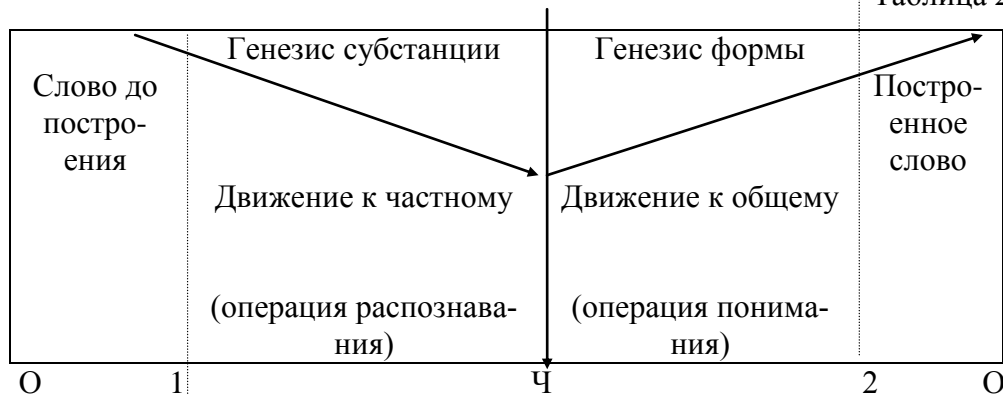
	Речь (=форма, содержащее) Высказывание (=субстанция, содержимое)	Речь (будущее) Высказывание (настоящее)
Речевой акт	Высказывание (=форма, содержащее) Слово (=субстанция, содержимое)	↑ Потребность в высказывании (настоящее)
	Слово (=форма, содержащее) Формообразующий элемент (=субстанция, содержимое)	↑ Слово (прошлое) Формообразующий элемент

Сам процесс порождения слова – *лексигенез* – предполагает два этапа: внутренний лексигенез – последовательность мыслительных операций (психо-), которые служат для построения слова (-генез); и внешний психогенез, где слово рассматривается как *содержащее*, с его внешней стороны, что позволяет соотносить его с другими единицами:

речь, высказывание, формообразующий элемент. Проанализируем кратко механизм внутреннего и внешнего психогенеза.

Как и в моделизации других категорий, Гийом трактует процесс построения слова как ориентацию его на некой двухполюсной оси между общим и частным. Процесс *внутреннего лексигенеза* распадается на два этапа: на первом этапе, в движении от общего к частному, происходит генезис содержательной стороны слова, его субстанции. В этом пространстве создаётся слово как семантема или морфема. На втором этапе, где движение ориентировано от частного к общему, осуществляется генезис формы, слово оформляется грамматически. На этом пути различаются три порога, которые и определяют три основных структурных типа языков. Если процесс лексигенеза останавливается на пороге (1) (см. табл.2), то это пример корневых языков, типа семитских. Завершение процесса на полюсе частного (Ч) предполагает структуру слоговых языков, например, древнекитайского. Наконец, порог (2) соответствует структуре языков, обладающих категорией частей речи (индо-европейские языки) [5: 239].

Таблица 2

Внешний психогенез, ориентирующий слово по отношению к другим уровням, основывается на постулате о всё большем отдалении двух полюсов – потенциального и реального (виртуального и актуального) в ходе исторического развития языков. Эта тенденция выражается в увеличении так называемого «углового раскрытия» (*ouverture angulaire*), или увеличении угла, образованного этими полюсами, исходная точка которого (Oo) располагается на полпути между крайним потенциальным элементом (формообразующий элемент) и крайним элементом плана реализации (актуализации) – речью.

Схема А. Жоли [цит. раб.: 246], которую мы далее воспроизводим (см. рис.), отражает процесс порождения речи как последовательный переход от одного «угла», образованного соотношением потенциального и его реализации, к другому, уже на новом уровне.

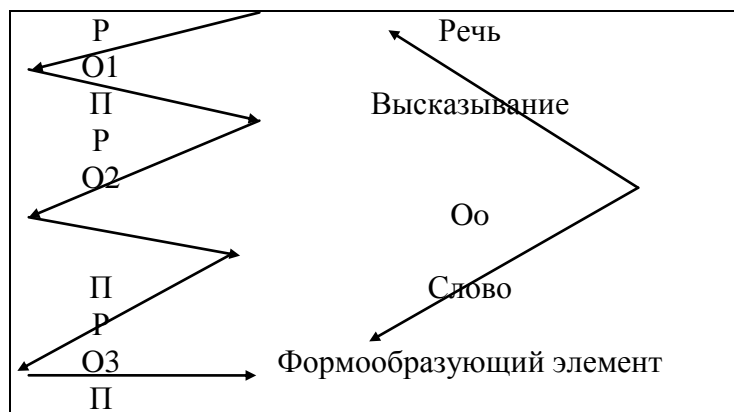

Рис.

Каждый раз вступает в действие один и тот же механизм: формообразующий элемент (О3), будучи крайним выражением потенциального (субстанция), образует угол со своей реализацией, которая, являясь одновременно субстанцией для слова (О2), образует угол с его актуализацией, которая, в свою очередь, как потенциальный план, образует угол на уровне фразы (О1). Крайним воплощением формы и реализации плана потенциального является речь. Таким образом, происходит постоянный переход от субстанции к форме. От того, на каком этапе этого движения происходит «лексическое пересечение» (*saisie lexicale*) – ближе к полюсу речи или формообразующего элемента, зависит тип языка. В случае «позднего пересечения», ближе к уровню фразы, речь идет о «примитивных» языках, где слово эквивалентно высказыванию. Если этот уровень приближается к формообразующему элементу, то речь идет о слоговых языках. Между названными крайними типами располагается множество промежуточных этапов «лексического пересечения», которые соответствуют «языкам со словами».

Теория Г. Гийома [2–4], как замечают исследователи, трудно поддается классификации. С одной стороны, она явно вписывается в парадигму структурализма, а с другой – предвосхищает целый ряд направлений в лингвистических исследованиях, которые получают своё развитие гораздо позднее: генеративизм, когнитивизм, теория высказывания. Попробуем охарактеризовать подход Г. Гийома с позиций нашей модели эпистемологических координат [1]. Оперирование такими оппозициями, как «язык – речь», «означающее – означаемое», «форма – субстанция» и др., позволяет отнести данную теорию к структуралистской парадигме. При этом каноническая модель значительно видоизменяется, преимущественно, в сторону её «семантизации»: а) к оппозиции «язык – речь» добавляется новое измерение когнитивно-ментального характера – психо-механика, предопределяющая структурирование

языка и функционирование его в речи; б) само понятие означающего расщепляется на потенциальное означающее и его реализацию через «знак», т.е. означаемое; в) структуралистские оппозиции, на которых строится система, подвергаются упорядочиванию через погружение их в пространственно-временной континуум мышления; г) статичность структуралистских построений преодолевается за счёт введения динамического аспекта; д) преодолевается (весьма своеобразно) структуралистское табу на введение в анализ «человеческого фактора»: если Гийом эксплицитно не говорит о роли говорящего, то, по крайней мере, предполагается, что в процессе лексигенеза существует этап «потребности высказывания», в котором неизбежно вводится фактор говорящего, производящего необходимые ментальные операции в процессе порождения речи; е) поскольку проблема типологии языков увязывается с процессами как лексигенеза, так и *эволюции* языков, в теории Гийома вводится не просто временной «ментальный» фактор, но и фактор реального времени.

С позиций общелингвистической проблематики, которой интересуется теория Г. Гийома, в круг её интересов входят, прежде всего, характерные для структурализма проблемы: соотношение «язык – мышление», язык как знаковая система, внутренняя организация языка. Однако, ряд структуралистских проблем, как нам представляется, получает весьма своеобразное преломление в силу того, что данная модель имеет ярко выраженный менталистский характер. Так, не совсем ясно, включать ли в круг проблем, интересующих Гийома, соотношение «язык – мир», поскольку потенциальное означаемое в данной теории не обсуждается с точки зрения его референции. По этим же причинам довольно опосредованно данная теория трактует вопросы внутренней организации языка. Кроме того, зачастую Гийом смешивает проблемы «язык – мышление» и «язык – психология». Поскольку речь идёт о «общих» категориях, предполагается, что здесь затронуты проблемы языковых универсалий; как уже было сказано, в весьма опосредованном виде данная модель касается проблемы эволюции языка и языка как основного средства коммуникации. По поводу последней следует заметить, что для Гийома основной функцией языка является не столько коммуникативная функция, сколько функция выражения мысли, что соответствует общей менталистской направленности его теории.

В отношении метода Г. Гийома следует отметить, что абсолютизация изначальной идеальной гипотезы сближает его с методами когнитивизма и генеративизма, основывающимися на внутренней языковой интуиции. С этими направлениями его сближает также различение поверхностной и глубинной структур, а также поэтапный процесс порождения высказывания.

Список литературы

1. Анисимова Н.П. Современные французские семантические теории (историко-эпистемологический анализ): монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 196 с.
2. Guillaume G. Langage et science du langage. Québec: Presse de l'Université de Laval; Paris: Nizet, 1964 (reéd. 1969). 286 p.
3. Guillaume G. Leçons de linguistique. Québec: Presse de l'Université de Laval, 1971. 256 p.
4. Guillaume G. Principes de linguistique théorique. Québec: Presses de l'Université de Laval; et Paris: Klincksieck, 1973 (reéd. 1991). 276 p.
5. Joly A. La linguistique génétique. Histoire et théories. Laval: Presse de l'Université de Laval, 1988. 501 p.

G. GUILLAUME'S THEORY OF LEXIGENESIS (between structuralism and generativism)

N.P. Anisimova

Tver State University, Tver

The paper explores Guillaume's theory of lexigenesis from the position of epistemological model.

Keywords: *history of linguistics, structuralism, generativism, epistemology.*

Об авторе:

АНИСИМОВА Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Тверского государственного университета, e-mail: james.frappe@sfr.fr